

Свѣтлой памяти Софіи Николаевны Фишеръ.

1.

Еще трудно писать о ней. Такъ недавно она была съ нами; ея голосъ еще какъ бы слышится, ея образъ, совсѣмъ живою, передъ глазами; ея воля, чтобы не было рѣчей на погребеніи, доселѣ какъ бы связываетъ и сдерживаетъ... Еще не отошла она отъ насъ на такое разстояніе, чтобы можно было безъ волненія по крайней мѣрѣ рассказать о ней. Но все же чувствуется потребность, что называется, подѣлиться со всѣми хоть отрывками тѣхъ сладостныхъ, благодатныхъ переживаній, коими наполнялась душа въ общеніи съ этою замѣчательной женщиной. Радость была великая въ общеніи съ нею; и желалъ бы я въ послѣдующихъ краткихъ строкахъ хоть дать понять читателю, въ чемъ была эта радость и какой великой духовной силы мы лишились.

Софія Николаевна Фишеръ была человѣкомъ необычайной души, необычайныхъ талантовъ и необычайнаго дѣла, до конца жизни ею на своихъ плечахъ вынесеннаго. Но жизнь ея, какъ жизнь истинной христіанки, была всегда самая скромная, незамѣтная, ничѣмъ не выдающаяся. Она терпѣть не могла приписывать себѣ какія-либо заслуги и страдала невыносимо, когда кто-либо высказывалъ ей похвалу или удивленіе; все относила она милосердію къ ней Владычицы и всесильной благодати Божіей. Можно сказать, что и проявленія духа христіанскаго въ ней были тоже необычайныя.

Родилась Софія Николаевна Фишеръ въ Тверской губ. въ 1835 году отъ брака артиллериста Ник. Ант. Вейсесъ съ двоюродной Над. Мих. Давыдовой. Съ ранняго дѣтства она обнаружила необычайныя способности: 3-хъ лѣтъ отъ роду уже научилась читать; 10 лѣтъ ее привезли въ Москву и отдали

въ только что открытую новую школу для дѣвочекъ на Дѣвичьемъ-полѣ, такъ называемую „Петровскую“. Впослѣдствіи эта школа превратилась въ Институтъ (Алекса́ндро-Ма́рьинскій на Пречистенкѣ). И здѣсь С. Н. поражала всѣхъ и своими способностями и необычайно добрымъ, кроткимъ характеромъ, такъ что она была общей любимицей. По окончаніи курса она держала при Университетѣ экзаменъ на званіе домашней наставницы. Затѣмъ года 2—3 провела въ имѣніи у отца, гдѣ собирала къ себѣ для занятій дѣтей окружающихъ помѣщиковъ. Но жажда болѣе широкаго педагогическаго труда скоро потянула ее опять въ Москву, и она поступила гувернанткой къ тремъ малолѣтнимъ сыновьямъ кн. Шаховскихъ. Здѣсь и начались занятія самой С. Н. древними языками, сначала латинскимъ, потомъ греческимъ, для того чтобы репетировать своихъ учениковъ, поступившихъ въ 3-ю Гимназію. Съ тѣхъ поръ уже она привыкла работать безъ усталы для другихъ, а не для себя, не имѣя даже одного свободнаго часа въ день для занятій хотя бы своей любимой музыкой. Интересенъ рассказъ одной подруги С. Н. о томъ, какъ она должна была невольно заняться греческимъ языкомъ. Когда пришлось старшему ея воспитаннику учить греческій языкъ, С. Н. отказалась по незнанію репетировать этотъ предметъ. Кн. Шаховская пригласила репетитора. С. Н. обрадовалась тому, что хоть два часа въ день будетъ у нея свободны, а то здоровье стало слабѣть. Не тутъ-то было. Разъ, когда пришелъ репетиторъ, она ушла къ себѣ и занялась музыкой. Слышитъ—робкій стукъ въ дверь; отворяетъ и видитъ своего воспитанника въ слезахъ. „Софія Николаевна! помогите“. — „А что же репетиторъ?“ Мальчикъ признался, что вотъ уже недѣлю онъ учится съ репетиторомъ и ничего не понимаетъ. Дѣлать нечего. Пришлось всю ночь просидѣть за греческой грамматикой и лексикономъ, а на утро уже помогла ученику. Такъ и пошло дальше; по утрамъ самой учиться, а по вечерамъ учить. Здѣсь было положено начало той любви къ греческому языку и тому проникновенному знанію его духа и формъ, которыя впослѣдствіи поражали въ Софѣ Николаевнѣ даже профессоръ-спеціалистовъ.

Воспитанниковъ своихъ С. Н. довела до Университетскаго курса и въ 1865 году вышла замужъ за учителя математики

и физики Георгія Борисовича Фишеръ. Въ семьѣ же кн. Шаховскихъ черезъ брата княгини—А. Н. Ефремова, друга М. Н. Каткова, Софія Николаевна познакомилась съ этимъ послѣднимъ. Это знакомство опредѣлило навсегда линію направленія дѣятельности С. Н. Пламенная рѣчи М. Н. Каткова о цѣляхъ и цѣнности классическаго образованія запали глубоко въ ея душу. А самъ Катковъ оцѣнилъ педагогическіе таланты С. Н. и всѣмъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ поддержалъ необычное дѣло, ею задуманное. Она рѣшила открыть женскую классическую гимназію съ программой преподаванія тождественной программѣ только что утвержденной для мужскихъ классическихъ гимназій. „Если я могу наслаждаться, думала она, читая въ подлинникѣ и воспринимая свѣтлыя идеи Платона, то неужели же не найдутся въ Россіи дѣвушки, готовые испытать то же наслажденіе“... Могучая воля Софіи Николаевны и вѣра въ правоту своего дѣла помогли ей осуществить задуманное. „Заложили мы свои серебряныя ложки, рассказывала она впослѣдствіи, и открыли гимназію“. Подробно рассказывать о томъ, какъ С. Н. въ теченіе 41 года вела свою гимназію— не входитъ въ задачу нашей замѣтки. Главное— понять, какую цѣль она преслѣдовала. А цѣлью этой было: дать русской женщинѣ широкое гуманитарное образованіе, которое заключается въ томъ чтобы прежде всего дисциплинировать умъ и волю ученицы, затѣмъ показать ей красоту произведеній мысли и слова классическихъ авторовъ, ввести ее въ пониманіе формъ и духа этихъ произведеній и затѣмъ все образованіе и воспитаніе ученицы осмыслить, освѣтивъ для нея и все воспринятое ею и весь ея жизненный путь свѣтомъ вѣры Христовой, въ разумъ Отцовъ Церкви. Достигала ли С. Н. этой высокой цѣли? Вслушала ли она ученицамъ свою любовь къ классическимъ языкамъ — объ этомъ расскажетъ дальше одна изъ ея ученицъ, кончившая 3 года тому назадъ гимназію. Я же могу сказать только одно: когда я присутствовалъ въ церкви, когда ученицы Софіи Николаевны пѣли всю литургію по гречески и пѣли ее сознательно, осмысленно и проникновенно, я каждый разъ не могъ удержаться отъ слезъ. Я каждый разъ думалъ: „Господи! отчего же это насъ не умѣли заинтересовать такъ греческимъ языкомъ, отчего мы были

лишены этого наслажденія и счастья, и выходили изъ учебныхъ заведеній только съ отвращеніемъ къ классицизму!“... Говорять, и исполненіе ученицами гимназій въ былые годы на греческомъ языкѣ трагедій *Антигоны* Софокла, *Троянокъ* Эврипида и др. производило тоже восхитительное впечатлѣніе.

Удивительно все таки не это, а то съ какой неослабѣвающей энергіей, не отступая ни на шагъ и не уступая никому, Софія Николаевна до послѣдняго дня жизни вела свою гимназію такъ, какъ и начала ее, не соглашаясь ни на какое измѣненіе въ программѣ. Въ настоящее время уже нѣтъ въ Россіи ни одной мужской гимназій съ такою же обширною программой по классическимъ языкамъ. За 40 л. сколько воды утекло! Мѣнялись руководители народнымъ просвѣщеніемъ въ Россіи, радикально мѣнялись взгляды, а съ ними и программы, ломалась неоднократно средняя школа, предоставленная измѣнчивымъ теченіямъ общественныхъ вкусовъ, а въ тихомъ переулкѣ на Остоженкѣ въ Москвѣ, въ старомъ барскомъ домѣ, гдѣ помѣщалась гимназія С. Н. Фишеръ, все было по прежнему, все безъ измѣненія и даже мысли не могло возникнуть объ уступкѣ кому-либо въ учебной программѣ или укладѣ жизни заведенія. Въ бурные, безумные дни 1905 года, когда улица ворвалась и въ среднія учебныя заведенія, даже жепскія, въ гимназій С. Н. Фишеръ все было спокойно и ни одного дня не прерывались занятія. Точно маленькая крѣпость стояла она съ горстью защитниковъ, воодушевляемыхъ своимъ комендантомъ несокрушимой вѣры и силы воли. Кругомъ все въ движеніи; все мѣняется, все мѣняетъ свои цвѣта и краски, цитадель стоитъ несокрушимо, не спуская своего флага. Враги и недоброжелатели сперва издѣваются и смѣются надъ упорнымъ консерватизмомъ коменданта, а въ концѣ концовъ и они проникаются уваженіемъ къ его мужеству и твердости убѣжденій. Мужество побѣдило. Софія Николаевна исполнила до конца то, въ чемъ видѣла свою жизненную задачу: сохранить нерушимой свою гуманитарную женскую школу. Свой маленькій, для многихъ незамѣтный даже, свѣтильникъ, свой огонекъ она бережно сохранила отъ всѣхъ вѣтровъ, для того чтобы въ благопріятное время было бы откуда зажечь другія такія же свѣтильнички истиннаго образованія. И если бы

только въ одномъ этомъ состояла заслуга С. Н. Финеръ, имя ея никогда не будетъ забыто въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Но это общественное и даже государственное дѣло, которому Софія Николаевна служила съ такимъ неослабнымъ постоянствомъ 41 годъ, ступевывается передъ той незримой для другихъ работой, которая имѣетъ вѣчное непреходящее значеніе. Это было—воспитаніе христіанскаго духа въ своихъ воспитанницахъ. Къ этому стремились всѣ ея помыслы и въ этомъ она достигала необычайныхъ успѣховъ. Сама С. Н. была до мозга костей православной христіанкой, притомъ стараго закала, безъ разсужденій, безъ мудрствованія; она вѣрила просто, сердечно, по Филаретовски. Знала она нашу церковную службу, какъ уставщица, сама въ былые годы управляла хоромъ своихъ воспитанницъ во время пѣнія за литургіей. И какъ она любила наше богослуженіе, наши дивныя пѣснопѣнія! Вотъ эту свою любовь она старалась внушить и ученицамъ. Въ нихъ она воспитывала церковность всѣмъ укладомъ жизни своей гимназіи, а еще болѣе собственнымъ своимъ примѣромъ. Кто хоть разъ видѣлъ, какъ она молилась въ гимназіи на молебнахъ или другихъ какихъ-либо службахъ, кто слышалъ, какъ она сама читала молитву вслухъ, хотя бы предъ объѣдомъ, тотъ на всю жизнь усваивалъ пониманіе того, что такое живая молитва и какъ надо молиться. И въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ читаютъ молитвы и дневное Евангеліе предъ уроками, водятъ ученицъ въ церковь, поютъ тамъ съ ними и т. д., но не достигаютъ и сотой доли тѣхъ результатовъ, какія были въ гимназіи С. Н. Финеръ. „Душу живу“ вкладывала Софія Николаевна не только въ свое дѣло, но и въ каждую мелочь своего обихода. И разгадка неотразимаго вліянія С. Н., разгадка ея личности заключается именно въ этомъ. Она имѣла душу великую, живую, облагодатствованную Святымъ Духомъ. И во всемъ и всегда это сказывалось. Читала ли она ученицамъ дневное Евангеліе или молитву, переводила ли съ ученицами трагедію Софокла, объясняла ли псаломъ, производила ли испытаніе вновь поступающей ученицъ, писала ли кому-нибудь письмо или записочку — всегда и во всемъ ея душа выливалась въ конкретныхъ формахъ и охватывала собой всѣхъ, бывшихъ около нея, и дѣтей, и взрос-

лыхъ, и стариковъ, возрождала ихъ, возвышала, воспитывала. Въ этомъ именно плоды христіанскаго облагодатствованнаго духа, въ этомъ же тайна педагогики Софіи Николаевны въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. И педагогика эта имѣла своимъ объектомъ вовсе не однихъ только дѣвочекъ—ученицъ. Насколько неотразимо-обаятельна была Софія Николаевна въ сношеніяхъ съ людьми—это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, кто соприкасался съ ея душой. Даже тѣ, кто имѣлъ случай хоть разъ въ жизни только нѣсколько минутъ говорить съ Софьей Николаевной, никогда уже не могъ забыть впечатлѣнія ея личности. Внимательнаго же наблюдателя ея жизни, или того кто имѣлъ счастье пользоваться общеніемъ съ ней долгое время, поражали три основныхъ черты ея натуры: мудрость, смиреніе и христіанская отзывчивость душой на все. Мудрость С. Н. была не мудрость міра сего (1 Кор. III. 9) а мудростью „сходящей свыше“, которая чиста, мирна, скромна, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна, нелицемѣрна (Іак. III. 17). Во всѣхъ своихъ совѣтахъ, рѣшеніяхъ, приказахъ, она руководствовалась не соображеніями теоретическаго или практическаго разума, а велѣніями вѣры и христіанской совѣсти, боящейся оскорбить Бога малѣйшимъ противленіемъ Его воли. И всѣ совѣты С. Н. были оттого всегда практически разумны. Но себѣ она никогда ничего рѣшительно не приписывала; ея смиреніе было изумительно. Чувствовалось, что это не только не показное, внѣшнее, а что эта самая основа ея души. Это былъ тотъ внутренній свѣтъ, который освѣщаль ея жизненный путь, усыпанной не цвѣтами, а весьма тернистымъ и скорбнымъ, и облегчалъ этотъ путь. Этимъ же свѣтомъ дѣлилась она и со своими ученицами, пріучая ихъ къ смиренной покорности волѣ Божьей во всѣхъ случаяхъ жизни. Богъ не благословилъ Софью Николаевну дѣтьми въ своей семьѣ; но зато благословилъ ее тѣмъ неизсякаемымъ родникомъ живой любви, который бываетъ удѣломъ очень немногихъ, только праведныхъ людей. И эта любовь изливалась на всѣхъ и ближнихъ и дальнихъ и родныхъ и чужихъ и незнакомыхъ даже, а прежде всего, конечно, на ученицъ своей гимназіи. Онѣ буквально составляли ея семью; съ ними она жила отъ 8 ч. утра до 9 ч. вечера, а иногда и ночью, когда приходилось ей съ

тревогой подходить къ постелѣ заболѣвшей. Изъ 60 комнатъ въ домѣ, занимаемомъ гимназіей, С. Н. имѣла для себя лично только одну комнату и небольшой корридоръ при ней. Гостей принимала въ общей столовой, ибо не было у ней своей личной жизни. Каждая ученица была для нея дочерью и таковой оставалась навсегда по окончаніи гимназіи. Уже сѣдя, уже сами матери взрослыхъ дѣтей, приѣзжали онѣ къ Софіи Николаевнѣ посовѣтываться насчетъ дѣтей или выплакать свое горе, или просто посмотрѣть на ея дивныя, невыразимой красоты глаза. Всѣхъ она вмѣщала въ своемъ сердцѣ и никому тамъ не было тѣсно. Она осуществила, показала намъ реально идеаль христіанской женщины - матери. При всемъ своемъ скудномъ бюджетѣ (въ нѣкоторые годы гимназіи грозилъ полный крахъ отъ недостатка средствъ), С. Н. всегда содержала не мало воспитанницъ на свои средства. Одинъ близкій ей человѣкъ вспоминаетъ о ней: „стоило при С. Н.—нѣ мелькомъ невзначай упомянуть о комъ-нибудь такъ, что изъ словъ собесѣдника можно было заключить о бѣдственномъ положеніи упомянутаго въ разговорѣ лица, какъ С. Н. вся настораживается, широко раскрываетъ свои прекрасные глаза и, внимательно допросивъ рассказчика, соображаетъ, что можно сдѣлать для устраненія или по крайней мѣрѣ для облегченія нужды, „горя“. Мало того, С. Н.—на обладала очень рѣдкимъ даромъ сорадованія чужой радости, что несомнѣнно свидѣтельствуешь о высокой благодатности ея духа. „Сколько разъ я наблюдалъ, вспоминаетъ то же лицо, какъ расцвѣтало радостью ея прекрасное одухотворенное лицо, когда чужая радость касалась ея сердца“.

Но я никогда не кончу, если стану говорить о Софѣ Николаевнѣ все, что хочется сказать. И одному человѣку все равно не подъ силу обрисовать даже приблизительно этотъ исключительный по своей духовной красотѣ образъ. Въ послѣдующихъ главахъ читатель найдетъ воспоминанія о Софѣ Николаевнѣ ея ученицъ. Они цѣнны, не какъ литературный матеріалъ, а какъ живой голосъ дѣтей, жившихъ со своей матерью, голосъ чувства, которое подсказываетъ и достигаетъ цѣли лучше, чѣмъ холодное доказательство. Появятся, конечно, и другія воспоминанія лицъ, близко знавшихъ С. Н. Фишеръ, и для потомства не исчезнетъ то, что

согрѣвало, свѣтило, поучало и радовало—всѣхъ соприкасающихся съ этой великой душой.

Мнѣ приходилось видѣть Софью Николаевну сотни разъ въ разное время и въ разные моменты ея жизни: въ радости и въ горѣ, въ тревогѣ и въ спокойномъ состоянїи, въ созерцанїи и въ живой дѣятельности. Но одинъ образъ ея неотступно стоитъ передъ моими глазами, заслоняя собой всѣ другіе. Скольکو разъ, бывало, прощаясь и съ благоговѣніемъ принимая священническое благословеніе, смотритъ Софія Николаевна своими большими проникновенными глазами прямо въ глаза и тихимъ усталымъ голосомъ проситъ: „молитесь, батюшка, молитесь“...

Такъ и хочется сказать: „молюсь, Софія Николаевна, молюсь“. И всѣ молятся, всѣ кто только зналъ ее и даже кто только слышать о ней, а не имѣлъ счастья знать ее лично. Думаю, что помянуть рабу Божью Софію въ своихъ молитвахъ и всѣ тѣ, кому попадутся на глаза эти строчки. Пусть испытаютъ они радость общенія съ праведной душой.

Прот. І. Фудель.

2.

23 сентября скончалась въ Москвѣ одна изъ старѣйшихъ представительницъ педагогическаго міра, основательница женской классической гимназїи, С. Н. Фишеръ. „Послѣдняя воля почившей—вѣнковъ не возлагать, рѣчей не произносить“, гласило печальное извѣщеніе на столбцахъ газетъ въ день ея похоронъ.

Воля эта была свято исполнена, ни одной рѣчи не было произнесено, ни одного цвѣтка не было положено, но есть другіе цвѣты, которые можно, не нарушая воли почившей, класть на ея могилу: это—слово признательной любви къ почившей. Среди почитателей памяти усопшей С. Н. возникла мысль издать сборникъ, посвященный ея свѣтлой памяти, въ которой войдутъ всѣ собранныя о ней матеріалы, будутъ записаны всѣ ея слова.

Но сборникъ этотъ не можетъ быть скоро изданъ, а хочется сейчасъ хоть нѣсколько словъ сказать о той, которая вотъ уже 40 дней ушла отъ насъ тѣломъ, но духомъ, мы вѣримъ и чувствуемъ, живетъ съ нами и руководитъ нами.

Хочется дать хоть небольшое понятіе тѣмъ, кто не былъ знакомъ при жизни съ этой подвижницей духа, о томъ духовномъ богатствѣ, отъ котораго мы питались не только въ продолженіе 8 лѣтъ проведенныхъ непосредственно подъ руководствомъ С. Н., но и по окончаніи гимназическаго курса. Хочется показать, какую огромную утрату понесли не только мы, близко ее знавшія, но и всѣ тѣ, которымъ дороги завѣты Православной Церкви, которымъ дорого истинно-христианское воспитаніе дѣтей. Только эти небольшие лепестки хочется мнѣ положить на дорожную могилку, да большаго я и не могу: *faciam quod possum, faciant meliora potentes*.

Одинъ великій старецъ-подвижникъ нашихъ дней, сказалъ одинъ разъ еще при жизни С. Н.—„есть у насъ сейчасъ двѣ великія подвижницы — С. Н. Фишеръ, да мать N изъ А-го женскаго монастыря“. И дѣйствительно, Софія Ник. была истинной подвижницей, всѣ силы свои отдавшей на служеніе любимому дѣлу воспитанія дѣтей, и до послѣдняго даже своего издыханія думавшей не о себѣ, а о другихъ, о „своихъ дѣтяхъ“.

Болѣе самоотверженной любви къ дѣтямъ, большаго смиренія и преданія себя въ волю Божью я никогда не видала. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера, давая въ старшихъ классахъ уроки, замѣняя отсутствующихъ учителей, по вечерамъ спрашивая и объясняя ученицамъ заданные на слѣдующій день уроки, С. Н. совсѣмъ не жила своей личной жизнью, или лучше сказать, жила исключительно жизнью своихъ ученицъ, отдавая имъ всю свою душу, всѣ свои силы, забывая совершенно о себѣ самой. Единственнымъ свободнымъ за весь день у С. Н. было только время по окончаніи уроковъ до обѣда отъ 3—4¹/₂ и послѣ обѣда до вечернихъ репетицій до 6 ч., но и тутъ она не могла отдохнуть, такъ какъ каждый день приходили къ ней кто-нибудь изъ бывшихъ ея ученицъ, старавшихся попасть къ ней именно въ это свободное время, чтобы, не отрывая ее отъ учебныхъ занятій, поговорить съ ней, рассказать ей свое горе, попросить совѣта. И такъ изъ дня въ день, съ основанія гимназіи и до смерти своей, С. Н. жила для другихъ, не заботясь о своемъ отдыхѣ, не имѣя ни минуты свободной за цѣлый день.

Она, какъ истинная мать, жила жизнью своихъ дѣтей, обѣ-
Бог. Вѣст.

дала съ ними вмѣстѣ и чаемъ сама пошла и молилась вмѣстѣ, читала и объясняя каждый день всѣмъ воспитанницамъ живущимъ и приходящимъ, православнымъ и инославнымъ Св. Евангеліе. И что это была за молитва, что это за чтеніе св. книги жизни; каждое затруднительное для дѣтскаго пониманія слово она объясняла, заставляла сама дѣтей объяснять ей, такъ что поневолѣ каждое прочитанное ею слово глубоко западало въ сердца дѣтей и оставляло въ немъ глубокой слѣдъ.

А какъ трогательно было ея отношеніе къ заболѣвшимъ дѣтямъ. Бывало заболитъ какой-нибудь малышъ, да и заболитъ-то несерьезно, и вотъ Соф. Ник. въ промежутокъ между уроками бѣжить по крутой лѣстницѣ навѣститъ заболѣвшую, захватить съ собою печенье, придетъ, поговорить, утѣшить, и всегда такъ. Отецъ одной ученицы, противникъ классицизма, отдалъ свою дочь въ ж. кл. гимназію только потому, что ему лично пришлось быть свидѣтелемъ съ какой любовью, съ какимъ самоотверженіемъ С. Н. и ея ближайшая помощница заботились о больной ученицѣ. Онъ сказалъ: „если бы тутъ не только латинскій и греческій преподавали, а и китайскій и персидскій, я бы отдалъ дочь, т. к. самъ видѣлъ съ какой любовью С. Н. и ея помощница, усталыя послѣ цѣлаго дня труда и заботъ, ночью ухаживали за больною“.

Мнѣ кажется, что главная сила С. Н. заключалась именно въ высотѣ ея нравственнаго облика: она не читала намъ никогда моральныхъ нравоученій, но учила насъ всегда своимъ примѣромъ. Каждый человѣкъ, побывши немного съ Соф. Ник., невольно дѣлался лучше, чище и добрѣе. Своимъ примѣромъ она учила насъ и отношенію къ людямъ и исполненію своего долга и молитвѣ. Бывало стоишь въ моленной во время какого-нибудь молебна, или всенощной, которая нѣсколько разъ въ годъ совершались въ гимназіи, разсѣпешься, стоишь невнимательно и не слушаешь совсѣмъ, а какъ взглянешь на Соф. Ник., стоящую въ уголку на колѣпочкахъ, забывшую все окружающее и внимательно слушающую св. слова молитвѣ, такъ невольно почувствуешь стыдъ и начнешь внимательно слушать и молиться. И такъ всегда и во всемъ руководила она душами своихъ воспитанницъ и воспитывала въ нихъ чувства любви къ Богу, Царю и лю-

дѣтъ, воспитывала въ нихъ истинное пониманіе своего долга. Она никогда не наказывала, по дѣти боялись ее. Она, любя ученицъ всѣмъ сердцемъ, горюя ихъ горемъ, радуясь ихъ радостью, отдавъ имъ всю свою жизнь, не баловала ихъ излишней сентиментальной лаской, и несмотря на это дѣти чувствовали ее любовь и платили ей тоже самой признательной горячей любовью, и память о ней для многихъ теперь будетъ свѣтлымъ лучемъ среди мрака жизни, и годы, проведенные въ ея гимназіи, подъ ея руководствомъ, будутъ вспоминаться, какъ самые счастливые золотые годы.

У Софіи Николаевны былъ огромный педагогическій талантъ. Обыкновенно всѣ жалуются на сухость преподаванія древнихъ яз. и считаютъ ихъ мертвыми. Софія же Николаевна такъ живо вела свои уроки греческ. языка, что для насъ онъ былъ не мертвымъ языкомъ, а живымъ, образнымъ, интереснымъ;* мы увлекались драмой и лириками.

Основывая классическую гимназію, Софія Николаевна пе заботилась о *правахъ* женщины, она только ясно знала, что классическое образованіе шире, глубже, интереснѣе.

Она считала нужнымъ изучать греческій языкъ уже по одному тому, что „на немъ мы крестились“, какъ писала она не задолго до смерти своимъ ученицамъ: „Онъ (гр. яз.) есть духъ и животворная сила моей школы. Я убѣждена, что личному знакомству съ Гомеромъ, Платономъ и Софокломъ и вы всѣ обязаны и своимъ настроеніемъ и своей трудоспособностью. Но главное—это есть языкъ отцевъ Вселенской Церкви и первоисточникъ нашего исповѣданія. Пусть греческій языкъ не нуженъ Западу; намъ онъ необходимъ: мы на немъ крестились въ вѣру Христову“...

Зная твердо, какое благотворное дѣйствіе производитъ на человѣка разумное чтеніе и изученіе классиковъ, Софія Николаевна и знакомила своихъ воспитанницъ съ ними. Но знакомство это съ древнимъ міромъ она вела параллельно съ изученіемъ духа Православной Церкви и воспитаніемъ въ дѣтяхъ религіознаго чувства; именно въ воспитательной системѣ Софіи Николаевны проявилась во всей своей полнотѣ и красотѣ та гармонія, которая бываетъ въ соединеніи православнаго религіознаго духа съ классицизмомъ. Благодаря этой гармоніи только и могла классическая система обла-

дать столь могущественною воспитательною силою, т. к. истинно слово Митроп. Филарета, „свѣтъ научнаго образованія безъ свѣта Христовой истины, все равно, что свѣтъ луны безъ солнца, свѣтъ холодный и безжизненный, свѣтъ чуждый и заимствованный; онъ будетъ только скользить по поверхности души, какъ скользить свѣтъ луны по скалѣ, не проникая внутрь ея, никогда не въ состояніи будетъ согрѣть, оживить и возбудить сердце наше къ трудамъ и подвигамъ, скорбямъ и лишениямъ“, ибо „безполезны всѣ наши познанія, когда мы при нихъ Иисуса Христа не знаемъ“.

Нѣкоторые противники классицизма, не понимая, что правильно поставленное классическое образованіе—есть лучшее воспитательное средство, возстаютъ на него съ такими неосновательными доводами какъ „дѣвушкамъ изученіе древнихъ языковъ не нужно, это только изнуряетъ ихъ, ихъ главное поле дѣятельности семья, классицизмъ только сушить ихъ, умаляетъ въ нихъ женственность, дѣлая ихъ „синими чулками“. Какъ несправедливы эти доводы—можно видѣть изъ примѣра гимназій С. Н., гдѣ дѣвочки изучали древніе языки не только по объему программъ мужск. гимназій стараго типа, но гораздо больше, и занимались съ удовольствіемъ, не зная ни утомленія, ни скуки.

Если согласиться съ тѣмъ, что наука и искусство могутъ быть открыты въ равной степени, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, то странно было бы увѣрять, что дѣвушки не могутъ, не способны изучать того же, что могутъ изучать мальчики. Если даже дѣвушка, по окончаніи научнаго образованія, посвятитъ себя не ученой дѣятельности, а семьѣ, то и тогда ей пригодится ея правильное и основательное образованіе, т. к. черезъ женщину свѣтъ науки можетъ проникнуть въ сферы недоступныя мужчинамъ, черезъ женщину наука можетъ глубже проникнуть въ жизнь и обновить ее въ самыхъ источникахъ. Еще нелѣпѣе тотъ доводъ, что классическая система убиваетъ женственное въ женщинахъ. Правильное и основательное образованіе не можетъ умалить женственное въ женщинахъ; напротивъ, свойственныя ей качества могутъ отъ того получить лишь новое прекрасное развитіе.

Такъ мудро и незамѣтно вела Соф. Ник. великое дѣло

воспитанія дѣтскихъ душъ. М. Н. Катковъ, лично глубоко уважавшій С. Н. и близко стоявшій къ гимназiи, такъ писалъ о занятiи дѣтей: „Тихо, безъ шума, безъ рекламъ, съ закрытыми для улицы дверями дѣлалось Ваше великое дѣло въ чисто-семейномъ кругу и обстановкѣ. У Васъ учились, молились и всего менѣе мечтали о развлеченiяхъ. Серюзныя научныя занятiя не оставляли мѣста скукѣ, а ласка и любовь начальницы-матери заставляли забыть тоску о родныхъ“.

И дѣйствительно, Соф. Ник. для своихъ ученицъ была не только любимой начальницей и воспитательницей, но и матерью. Она заботилась о своихъ „дѣтяхъ“ не только впродолженiе тѣхъ 8 лѣтъ въ теченiи которыхъ онѣ жили въ гимназiи, но и по окончанiи курса она не преставала заботиться о своихъ бывшихъ питомцахъ. И ученицы это знали, и всегда шли къ ней и со своими радостями и со своими скорбями, находя себѣ у ней и поддержку и совѣтъ и утѣшенiе и ласку, а иногда—и строгое наставленiе. Ученицы видѣли эту необычайную любовь своей начальницы-матери, видѣли эту непрестанную заботу о себѣ, продолжавшуюся даже за стѣнами гимназiи, и чувствовали себя неоплатными должниками передъ Соф. Ник.

Но вотъ пришелъ и имъ чередъ отплатить Соф. Ник. за ея любовь своею любовью. Подходилъ уже 40-лѣтнiй юбилей плодотворной педагогической дѣятельности Соф. Ник., какъ на нее обрушилось горе: тотъ домъ, въ которомъ гимназiя ея помѣщалась уже 37 лѣтъ былъ предназначенъ къ продажѣ и Соф. Ник. предстояло перебираться въ другое помѣщенiе. Извѣстiе это очень опечалило С. Н., т. к. ей уже не хватало ни силъ, ни средствъ для этого. Бывшiя воспитанницы входятъ въ горе своей начальницы, и приходятъ къ той мысли, что единственнымъ исходомъ изъ этого положенiя можетъ быть только покупка дома для гимназiи С. Н. Фишеръ. Сначала мысль эта показалась всѣмъ невыполнимой, т. к. домъ стоитъ очень дорого, а „Общество бывшихъ воспитанницъ ж. кл. гимн. С. Н. Фишеръ“ не обладало большими средствами. Но „сила Божiя въ немощи совершается“, и въ этомъ случаѣ, съ помощью Божiей, дѣло повелось успѣшно, и домъ былъ купленъ. С. Н., когда узнала о покупкѣ дома, была такъ растрогана,

что въ тотъ моментъ она ничего не смогла говорить. Потомъ она собрала своихъ бывшихъ воспитанницъ, чтобы ихъ поблагодарить, собрала ихъ въ высшей степени характернымъ письмомъ, въ которомъ сказала вся глубина и красота ея души. Письмо это воспитанницы хранятъ, какъ драгоценную жемчужину: „Милыя мои, я узнала. И слезы дупать меня весь день. Вамъ хочется узнать: что я чувствую? Мнѣ еще очень трудно сію минуту разобраться въ собственной душѣ. Радость? Это не то. Благодарность? Даже и это не совсѣмъ то. Необычайный подъемъ духа? Нѣтъ и нѣтъ. Это чувство умиленного, приниженного смиренія предъ Господомъ, творящимъ чудеса, и предъ вашею любовью. Одинъ голосъ ясно звучитъ во мнѣ: кто я такое и откуда мнѣ сіе? Люди, бывшіе дѣйствительно когда-то для меня дѣтьми, но теперь зрѣлые люди, которые уже могутъ и имѣютъ право судить меня и ясно видѣть всѣ мои недостатки, не видятъ ихъ, а такъ берегутъ меня и ласкаютъ. Это такая высокая награда, которой я, какъ ни разбираю себя, не могу признать себя заслужившею. Говорить сію минуту не могу, даже пишу плохо, руки все дрожать, а хочется мнѣ одного—видѣть васъ, слушать васъ, полюбоваться на ваше настроеніе, потому что побѣда на вашей сторонѣ. Для меня все это только чудо, Божье чудо, завершеніе тѣхъ чудесъ, которыми мы и всѣ 39 лѣтъ прожили. Соберитесь къ намъ, родныя, какъ успѣете, только соберитесь... и поскорѣе“. Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ было написано это письмо, а всякій разъ какъ начинаю его читать не могу удержаться отъ волненія и глубокаго чувства умиленія передъ такимъ необычайнымъ смиреніемъ Софіи Николаевны. Очень трогательна также надпись, сдѣланная рукою С. Н. на фотографіи дома гимназіи, которую она на память о покупке дома, повѣсила на стѣнѣ въ приемной комнатѣ: „Домъ этотъ купленъ Обществомъ бывшихъ ученицъ Гимназіи съ великодушною цѣлю „успокоить старость“ ея основателей; и это желаніе ихъ не только успокоило, но и скрасило весь остатокъ жизни нашей“.

Не менѣе интересно и глубоко-трогательно ея послѣднее общее письмо къ ученицамъ, являющееся, такъ сказать, указателемъ ея послѣдней воли:

„..... Мнѣ такъ уже немного времени остается смотрѣть въ

даль, что говорить я могу только о томъ, что будетъ послѣ меня. Конечно, главное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы моя Гимназія существовала, и продолжалась именно въ томъ духѣ, который создалъ и васъ всѣхъ, и непременно по тому учебному плану, который приняла я.

„Много говорятъ, наиримѣръ, о ненужности Греческаго языка. Такъ знайте, что самымъ жестокимъ оскорбителемъ моей памяти былъ бы тотъ, кто дерзнулъ бы изъять изъ моей программы Греческій языкъ. Онъ есть духъ и животворная сила моей школы. Я убѣждена, что личному знакомству съ Гомеромъ, Платономъ и Софокломъ и вы всѣ обязаны и своимъ настроеніемъ, и своею трудоспособностью. Но главное — это есть языкъ Отцевъ Вселенской Церкви и первоисточниковъ нашего исповѣданія.

„Пусть Греческій языкъ не нуженъ Западу; намъ онъ необходимъ: мы на немъ крестились въ вѣру Христову.

„..... Но, повторяю, желанія свои я выражаю только относительно духа и курса Ж. К. Гимназій. Дальнѣйшее же все, о чемъ я говорю, есть лишь мое мечтаніе; воля же надо всѣмъ ваша, и меня объ этомъ никогда не спрашивайте. Кромѣ Ж. К. Гимназій я ничего ни придумать, ни сдѣлать не умѣю.

„Я нарочно все это пишу, чтобы вы имѣли письменный документъ моихъ мыслей, а не распоряженій или завѣщаній.

„Завѣщаю же вамъ одно:

„„Бога бойтесь, Царя чтите“, и не поддавайтесь никакимъ новоизмышленіямъ Запада, памятуя, что путь Россіи — иной: это путь совершенствованія духа, а не совершенствованія удобствъ виѣшней жизни міра сего, и на этомъ первомъ единственномъ пути преуспѣвать и молю вамъ у Господа.

Ваша та же *Софія Флишеръ*.

Москва, 5 Апрѣля 1912 г.“

Въ этомъ письмѣ С. Н. даетъ свой послѣдній завѣтъ своимъ „дѣтямъ“: Бога бояться, Царя чтить и по мѣрѣ возможности, совершенствоваться духомъ. Она знала, что, хотя и труденъ этотъ путь „совершенствованія духа“, ученицы ея будутъ стараться идти по нему изъ любви къ своей начальницѣ, изъ желанія исполнить каждый ея завѣтъ, каждое ея слово.

Велика заслуга Софiи Николаевны и въ томъ еще, что она своею любовью сумѣла и въ сердцахъ ученицъ своихъ зажечь живительный огонь любви, сумѣла своею любовью объединить насъ всѣхъ въ одну любящую и сильную свою любовью семью. Великую силу дала намъ этимъ Соф. Ник. ибо, по слову ап. Павла, если человѣкъ всѣ совершенства имѣеть, а любви не имѣеть то онъ ничто: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всякое познание, а не имѣю любви, то я ничто“ (Кор XIII, 1—2).

Казалось бы, что со смертію Соф. Ник. гимназія ея должна бы отсутствовать, т. к. не стало ея основательницы, дѣло ея должно было бы распасться; но нѣтъ, смерть ея еще больше сблизила, сплотила всѣхъ около любимаго ея дѣла. Еще чаще стали бывшія воспитанницы посѣщать гимназію, гдѣ каждая комната, каждая вещица напоминаетъ дорогую ушедшую, гдѣ витаетъ ея духъ, и, вѣримъ, руководить нами. Всѣмъ намъ хочется, чтобы все осталось какъ было, чтобы не было ни малѣйшаго ни въ чемъ измѣненія, ибо такъ хотѣла Соф. Ник.

Свѣтла и чиста, какъ кристалль, была жизнь Соф. Ник. полная самоотверженія, и также свѣтла и тиха ея кончина—кончина праведницы. До самой послѣдней минуты ея мысли были о другихъ. Истинная христіанка, строго исполняющая всѣ завѣты Православной Церкви, она, сознавая свою близкую кончину и желая получить въ послѣдній разъ, передъ переходомъ въ иной міръ, напутствіе Св. Таинствъ, просила батюшку притти причастить ее какъ можно раньше, пока дѣти спятъ, „чтобы они не беспокоились“. Скончалась Соф. Ник. 23-го Сент. въ 5 ч. утра, не скончалась, а уснула тихо, спокойно, безъ страданій, безъ мученій. За часъ до смерти законоучитель ея гимназіи, присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ дорогой жизни, началъ читать молитвы на исходѣ души, и нѣсколько человѣкъ самыхъ близкихъ ея помощницъ вмѣстѣ съ Г. Б. стояли здѣсь же на колѣнахъ со свѣчами и тихо молились. Въ 9 часовъ была отслужена о. законоучителемъ первая панихида при тихомъ пѣніи ученицъ. Въ 1 ч. была вторая панихида, отслуженная еп. Анастасіемъ, на немъ были уже извѣщенные бывшія ученицы. Въ

7 ч. была третья панихида, на которой присутствовала Вел. Кн. Елизавета Теодоровна.

Воля почившей была, чтобы ни вѣнковъ не возлагали, ни рѣчей не произносили, и воля эта была свято исполнена, ни одного цвѣтка не было положено, ни одной рѣчи не произнесено. Всѣ объединились только въ одной горячей молитвѣ за упокой новопреставленной свѣтлой души. Странное чувство испытывали всѣ; было грустно, что мы теряемъ любимую мать, лишаемся ея совѣтовъ; когда вспоминалось о томъ сиротствѣ духовномъ, которое предстоитъ намъ съ ея смертью, то слезы душили насъ, но когда забывали о себѣ и становились лицомъ къ лицу только съ самимъ фактомъ смерти, когда, забывая себя лично и свое эгоистичное горе, смотрѣли на дорогое намъ лицо усопшей, то не чувствовали никакого ужаса, никакой горечи, чувствовалось только, что совершается какое то великое, непонятное для насъ, находящихся на землѣ, таинство. Привзглядѣ на это спокойное и прекрасное лицо, чувствовалось какое-то успокоеніе и утѣшеніе, словно душа праведная, находясь среди насъ утѣшала, успокаивала насъ и обѣщала не оставлять насъ сирыми. Такое это было чувство, что не хотѣлось отойти отъ гроба, такъ бы стоять все и получать утѣшеніе.

Я не сказала и сотой доли того, что можно было бы и нужно и хотѣлось бы сказать о Софіи Николаевнѣ, не могу, еще слишкомъ живъ въ душѣ ея образъ, еще слишкомъ тяжела утрата, еще слишкомъ свѣжи воспоминанія. Написала я это, чтобы показать хоть немного отъ какой сокровищницы богатства духовнаго мы питались.

М. Ф.

3.

Послѣдній разъ видѣли мы Софію Николаевну на ногахъ 14-го утромъ, когда она сама пришла къ намъ и сказала, что больна. Еще наканунѣ она чувствовала себя плохо, не сидѣла, какъ всегда, въ классѣ, когда мы учимъ уроки и только пришла разлить чай. Это было въ пятницу 13-го. На слѣдующій день мы должны были пѣть молебень въ церкви Лицея и поэтому съ утра начали собираться приходящія ученицы. Мы стояли кучками по нѣскольку человекъ въ ожиданіи спѣвки, какъ вдругъ отворилась дверь въ IV кл.

и Софія Николаевна появилась на порогѣ въ своемъ черномъ платьѣ съ сѣрымъ платкомъ на плечахъ; она постояла съ минуту, и громко позвала старшую классную даму. Къ ней подошла одна изъ нашихъ, но скоро возвратилась встревоженная и сказала намъ, что у Софій Николаевны аппендицитъ. Первую минуту мы стояли, какъ громомъ пораженные. Да этого не можетъ быть! Мы не хотѣли вѣрить: въ ея лѣта эта болѣзнь неизлѣчима, что же дальше? Одинъ вопросъ сварила мозгъ: что будетъ изъ этого?

Такъ какъ надо было идти къ обѣднѣ въ Лицей, то мы не могли долго предаваться своимъ мыслямъ и хотъ немного отвлекались отъ болѣзни Софій Николаевны, тѣмъ болѣе что мы ничего точнаго не знали, а словамъ ея самой такъ не хотѣлось вѣрить. Когда же весь этотъ и слѣдующій день ея не было съ нами, то казалось, что она не больна, а только ушла въ кабинетъ и сейчасъ вернется. Но это сердце шептало, а разумъ говорилъ: она больна и тяжело больна, молитесь за нее, а останется она съ вами или нѣтъ на то Божья воля. И мы молились всѣмъ сердцемъ о ея выздоровленіи. Тяжелая дума, что Софія Николаевна можетъ не вынести своей болѣзни ни на минуту не покидала насъ. Зато какъ мы радовались, когда 19-го числа послѣдовало улучшение! Какъ мы надѣялись, что она встанетъ и опять придетъ къ намъ заниматься! Но это была минутная радость, потому что Софій Николаевнѣ стало опять хуже. Послѣдній день ея болѣзни былъ ужаснѣе всего; оно конечно и не могло быть иначе! Хотя было извѣстно, что Софія Николаевна врядъ ли встанетъ, все таки у насъ была надежда на что-то, даже не надежда, а какое-то постороннее чувство вродѣ увѣренности, что Софія Николаевна не можетъ умереть. Мы ходили по одиночкѣ, такъ какъ разговаривать не было силъ, а время такъ мучительно тянулось! Еле, еле дождались мы вечера и ушли наверхъ, чтобы проснуться сиротами. Даже не проснуться, потому что мы не могли спать, мы дѣти, не говоря уже о тѣхъ кто имѣлъ возможность быть внизу. А когда узнали на слѣдующее утро обо всемъ, не вѣрилось!

Мы не могли повѣрить тогда, когда уже болѣе не видѣли ее съ собою, когда она была больна, не вѣрили даже тогда, когда все было кончено и она лежала на столѣ въ больномъ

классъ, не вѣримъ и теперь, послѣ того какъ мы проводили уже ее въ Донской монастырь и провели нѣсколько недѣль безъ нея; до такой степени мы привыкли, видѣть ее всегда между нами, и въ классѣ, и въ переѣзду, и за обѣдомъ и вечеромъ. До сихъ поръ все кажется, что скрипнетъ дверь и мы услышимъ ея легкіе шаги и кашель.

Л.

4.

17-го сентября мы въ послѣдній разъ видѣли Софію Николаевну, видѣли уже больною, но все еще полной беззаветной любви къ намъ, ея питомцамъ. 17-го сентября день ангела Софіи Николаевны обыкновенно всегда торжественно справлялся и былъ семейнымъ праздникомъ для гимназій, теперь же омрачился ея болѣзнью. Хотя все было по старому, и порядокъ дня не измѣнился, но отсутствіе Софіи Николаевны тяжело отражалось на всѣхъ окружающихъ. Утромъ, мы три ученицы, выбранныя отъ всего класса, попросили у Георгія Борисовича разрѣшенія позволить намъ самимъ поздравить Софію Николаевну и отнести ей традиционную просфору (седьмой и восьмой классы всегда преподносили Соф. Ник. въ день ея Ангела просфору, вынужтую за ея здравіе). Сначала онъ сказалъ: „Едва ли, къ Софіи Николаевнѣ теперь никого не пускаю, боюсь потревожить ее, ей вредно волненіе. Хотя погодите, я сейчасъ узнаю“. Онъ пошелъ въ спальню, черезъ нѣсколько минутъ вернулся и сказалъ: „Идите, Софія Николаевна хочетъ васъ видѣть. Только ненадолго“. Тихо ступая на цыпочкахъ, мы съ замираніемъ сердца переступили порогъ спальни. Передъ нами на постели, на грудѣ подушекъ лежала Софія Николаевна. Очень блѣдная, сильно исхудавшая, она показалась намъ страшно слабой. Софія Николаевна видимо не замѣчала нашего прихода. Мы могли только отъ волненія произнести вполголоса „Поздравляемъ“. Софія Николаевна замѣтила насъ, повернула свое исхудалое за болѣзнь лицо къ намъ и сказала незабвенныя, дорогія для насъ слова: „Спасибо вамъ, милыя, за все... (она остановилась). Никогда не была такъ больна (С. Н. показала рукою на больное мѣсто)... Учитесь хорошенько, этимъ однимъ только вы можете утѣшить меня. Больше...“ Софія Николаевна не закончила и,

приложивъ руку къ горлу, дала намъ понять, что больше говорить не можетъ. Молча стояли мы, дѣлая надъ собою страшныя усилія, чтобы не разрыдаться. Слезы подступали къ горлу. Это были послѣднія слова сказанныя намъ Софьей Николаевной, эти слова мы запечатали навѣки въ нашихъ сердцахъ. Этотъ завѣтъ, эту послѣднюю волю нашей дорогой наставницы и матери мы должны свято исполнить. Не намъ однѣмъ говорила она эти слова, но, въ лицѣ насъ, — всеи гимназiи. Пусть каждая ученица, даже самая слабая, приложить свое послѣднее старанiе, отдастъ всѣ свои силы на то, чтобы свято исполнить эту послѣднюю волю Софiи Николаевны.

С.
